

Неизвестно, то ли из-за слишком укромного места, то ли из-за его нынешнего вида, который было действительно трудно узнать, но тот человек с большим трудом отыскал его. Взгляд, упавший на него, выдавал неподдельное удивление, а также долю недоумения.

— Что будете пить? — с улыбкой Хэ Чжу протянул ему барное меню.

— Даже сейчас, на таком близком расстоянии, я не могу поверить, что человек передо мной — мой младший брат.

Слово брат было нарочито, хоть и непринужденно, произнесено с особым ударением, сквозь которое пробивалась лёгкая ирония.

Хэ Сюнь, подперев подбородок ладонями, с интересом разглядывал юношу напротив.

Аккуратно зачёсанные назад волосы, явно обильно смазанные гелем и лаком для фиксации, были жёсткими и слегка блестели. В сочетании с полностью чёрным нарядом с головы до ног весь его облик напоминал тяжёлую, безжизненную тучу, нависшую над этой элегантной и расслабленной атмосферой кофейни.

И, конечно же, хуже всего были те невероятно безвкусные очки в чёрной оправе, чьё подавляющее присутствие почти превратило их в...

Печать. Именно это слово.

— Но старший брат всё же узнал меня, не так ли? — деловито размешивая кофе в чашке, Хэ Чжу поднял голову.

Тонкие губы растянулись в ослепительной улыбке.

— Хотя бы по феромонам, в конце концов...

Он взглянул вверх, и его тонкие губы изогнулись в сияющей улыбке.

— Мы ведь родные братья.

Брови Хэ Сюня слегка сдвинулись.

— Ты обычно так разговариваешь и с Сяоцю?

Хэ Чжу просто проигнорировал его вопрос, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула.

— Говори, старший брат.

— Что же за дело заставило тебя снизойти до личного контакта со мной?

— Не я. — Хэ Сюнь смотрел на него, а на его лице отражалась сложная смесь насмешки и сочувствия. — Это Сяоцю.

Коричневый конверт из крафтовой бумаги был подвинут в сторону Хэ Чжу.

— Что это? — улыбка Хэ Чжу не ослабевала, но голос стал холоднее.

Хэ Сюнь приподнял бровь.

— Открой и узнаешь.

Конверт был тонким, внутри оказался всего один лист.

Дарственная.

Чёрные иероглифы на белой бумаге чётко отразились в линзах очков Хэ Чжу.

— В этой дарственной содержатся фотографии со съёмок и постеры госпожи Ань Сяо, хранящиеся в Чуаньин, а также реквизит и костюмы, которые она использовала при жизни.

— А также права на её последнюю работу. Все предметы были тщательно и надлежащим образом отреставрированы, максимально сохранив свой первоначальный вид.

— И Хэ Ваньчжи станет их единственным наследником.

Спокойный, размеренный голос Хэ Сюня словно вода, хлынувшая разом в нос и уши, подобно ртути устремился в каждый уголок тела Хэ Чжу.

В поле зрения, словно галлюцинации, заплясали бесчисленные светящиеся точки, и лишь одна надпись чётко замерла в графе Даритель.

Янь Жунцю.

Почерк Янь Жунцю был таким же, как и впечатление от него самого: изящным, аккуратным, стройным и вытянутым. Каждый штрих был чётко прорисован, линии сильны и упруги, а нанесение на бумагу было наполнено силой, излучающей непреклонную твёрдость, даже жёсткость.

Это был почерк, в котором не было и тени мягкости.

— Чтобы найти владельца прав на последнюю работу твоей матери, знаешь, сколько усилий и энергии он потратил? Прошло столько лет, не было полных архивных записей, найти владельца того безымянного фильма было всё равно что искать иголку в стогу сена.

Жужжащий шум в ушах постепенно стих, наконец снова сложившись в разборчивую речь.

Хэ Чжу поднял голову и посмотрел на совершенно спокойного Хэ Сюня.

— Зачем он это сделал? — спросил он.

Хэ Сюнь усмехнулся.

— Я тоже не знаю. Это дело с крайне низкими шансами на успех, в случае удачи не сулило никаких выгод, а провал мог разрушить весь план.

— Более того, другая сторона — совершенно незнакомый человек. Если уж на то пошло, Хэ Ваньчжи — всего лишь младший брат его бывшего мужа, и всё.

— Наверное, просто потому, что Сюцю — добрый парень с мягким сердцем.

— Добрый и правильный парень.

— Кем бы ни был другой человек, он наверняка сделал бы такой же выбор.

Хэ Чжу пристально смотрел на него, и даже сквозь линзы очков нельзя было скрыть бурлящие эмоции.

— Ты хорошо его знаешь?

Хэ Сюнь ответил уверенно.

— Лучше, чем ты.

— В конце концов, он был моим законным возлюбленным, а ты, Хэ Ваньчжи, ты — никто.

Возлюбленный.

Эти два слова словно острый кинжал, внезапно вонзившийся в сердце Хэ Чжу, вызвали пронзающую всё тело острую боль. Ревность и неудовлетворённость нахлынули с головой, почти поглотив его целиком.

Каким же был Янь Жунцю как возлюбленный Хэ Сюня?

Улыбался ли он ему той бледной, прозрачной и прекрасной улыбкой?

Позволял ли он ему держать свою тонкую, белую и мягкую ладонь?

Соглашался ли он, чтобы тот обнимал его так близко, что можно было услышать биение сердца?

Наверняка было ещё много более интимных вещей? Тёплых, сладких, липких, длительных — такой захватывающей дух красоты, о которой он не смел даже мечтать в самых глубоких снах.

Хэ Чжу почти механически поднёс кофе к губам и сделал глоток. Холодная горькая жидкость скользнула по горлу и упала в грудную клетку.

Для него я не никто.

— А как насчёт старшего брата? Старший брат, как и я, тоже ведь любит его? Раз так сильно любил, почему тогда расстался с ним?

Старший брат звучало в каждом предложении, казалось бы, ласково, но на самом деле было ледяным и бесчувственным, каждый слог был испещрён насмешкой.

Встретившись с внезапно замолчавшим выражением лица Хэ Сюня, Хэ Чжу продолжил.

— В прошлом, по разным причинам, я упустил его, но теперь этого не повторится.

— Старший брат, он мой, обязательно будет моим, может быть только моим, никто не сможет отнять его у меня.

— Никогда.

Каждое слово было произнесено с усилием, почти сквозь зубы, словно он отдавал себе смертельный приказ.

— Так вот ты до чего себя довёл, всеми правдами и неправдами оказался рядом с ним,

скрываешь от него, обманываешь его?

— Говорю тебе, Хэ Ваньчжи, мне нет дела до того дерьма, что ты устроил в Америке, но если ты посмеешь причинить вред Сяоцю, я тебя точно не пощажу.

В глазах Хэ Сюня вспыхнул холодный свет, суровый, как зимняя стужа. Взгляды двоих сплелись, как струны, спутались в клубок, затем натянулись в прямую линию, и наконец Хэ Чжу тихо рассмеялся.

Альфы и так были редки, а Альфы с физиологией его уровня были и вовсе единицами — при условии, что они ещё и обладали столь пагубной внешностью, как у него. Слова Хэ Цингэна. Можно сказать, что как для Омег, так и для Бет, и даже для некоторых относительно слабых Альф, он представлял собой непреодолимое абсолютное влечение.

Все эти годы вокруг него действительно не переводились поклонники и поклонницы обоих полов. В Америке он однажды из-за отказа одному настойчивому поклоннику впутался в ненужные неприятности, наделал много шума, заработав репутацию светского льва и плейбоя.

Но на самом деле он вёл аскетичный, почти монашеский образ жизни — вряд ли кто-то поверит, если сказать это вслух, но он действительно сумел сохранить сосредоточенность, без малейших посторонних мыслей, почти не жалея жизни, лишь чтобы выиграть ставку на будущее.

Будущее, которое позволило бы ему быть достойным того человека, дало бы возможность с гордо поднятой головой стоять рядом с ним.

— Не говори таких страшных вещей, старший брат.

— Слыша такое, я очень расстроюсь.

Боюсь, в глазах Хэ Сюня он был подобен гиене, ослеплённой голодом, только и ждущей возможности протянуть грязные когти к незащитному ягнёнку.

Холодно размышляя об этом, Хэ Чжу закатал рукав, обнажив длинное, стройное и бледное запястье.

— Знаешь, что это такое?

Чёрный матовый ремешок, квадратный объёмный циферблат, на первый взгляд очень похожий на точные спортивные часы, но цифры, постоянно мелькающие на экране, были не временем, а точным измерением концентрации альфа-феромонов в микрограммах на кубический метр.

Увидев, как взгляд Хэ Сюня потемнел, а на лице появилась серьёзность, Хэ Чжу опустил рукав, снова приведя его в безупречно прямой вид — конечно же, это тоже было следствием влияния Янь Жунцю, Янь Жунцю любил такой порядок.

— Не волнуйся, старший брат. В отличие от обычных браслетов-подавителей феромонов, он действует только на меня и не повлияет на тебя. — сказав это, он снова преувеличенно вздохнул. — Какая же это морока, но что поделаешь, я от рождения обладаю такой конституцией.

К тому же, без этого браслета он бы просто не мог спокойно оставаться рядом с Янь Жунцю.

Наверное, он уже до того влюбился, что стоило ему только увидеть его, как он терял контроль и впадал в состояние гона.

<http://bllate.org/book/15591/1389761>